

Лингвокультурологическая составляющая поэтического текста

Ключевые слова: антропоцентрическая парадигма, лингвокультурология, поэтический текст, Россия, революция.

В статье исследуется лингвокультурологическая составляющая поэтического текста. Анализируются стихи, посвященные трагедии русского народа 1917 года, тяготам России, незаконному насилию в Советском Союзе в тридцатые годы.

После выхода в свет в 1916 году «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра всю первую половину XX века в языкознании безраздельно господствовала структурная лингвистика. Ф. де Соссюр утверждал, что не только наука о языке может обойтись без прочих элементов речевой деятельности, но она вообще возможна лишь при условии, если эти прочие элементы к ней не примешаны [5]. Обращение к внеязыковой действительности считалось противным духу языкознания. Теоретическая лингвистика становилась всё более абстрактной и замкнутой дисциплиной, она порывала связи с историей, философией, социологией, психологией, этнографией.

Изучение языка «в самом себе и для себя» (Ф. де Соссюр) привело традиционную лингвистику к определённом замедлению в её развитии, в то время как жизнь и наука ставили новые вопросы, требующие своего разрешения. К концу XX века в лингвистике накопилось значительное количество проблемного материала, осмысление которого в рамках структурной лингвистики стало невозможным. Накопленные факты требовали лингво-философского анализа в соответствии с традицией, идущей от В. фон Гумбольдта: «Человек думает, чувствует и живёт только в языке и должен быть вначале сформирован им» [1, 77].

«Выходом из тупика, в который зашла традиционная лингвистика, – пишет В. А. Маслова, – стал её интерес к человеку, его сознанию, культуре. Поэтому в научном мире назрел переход лингвистики на новый виток развития, на новую парадигму – антропоцентрическую. С позиций антропоцентрической парадигмы человек ставится в центр мира, он познаёт мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нём. Лингвокультурология, возникшая три десятилетия назад, исследует фундаментальные вопросы взаимодействия следующих феноменов – человека и его сознания, языка и культуры» [2, 79].

Предметом исследования лингвокультурологии является безэквивалентная лексика, мифологемы, обряды, поверья, ритуалы, обычаи, паремиологический и фразеологический фонды языка и др.

Глубинно и при этом ярко связь языка, культуры, человека, его мировидения, реакций на мир, качеств характера, менталитета проявляется в поэзии, которая всегда существует внутри определённой культуры, вырастая из общего культурного источника – легенд, мифов, святынь, символов, эталонов. Текст, созданный автором в конкретной культуре, является в известном смысле её моделью, он воспроизводит типы поведения, восприятие жизни, эмотивные характеристики, которые характеризуют данную лингвокультурную общность.

В этом ключе лингвокультурологическая составляющая поэтического текста наиболее заметна на уровне его интертекстуальных и дискурсивных связей. Всю историю России, начиная с Рюрика и заканчивая XXI веком, можно найти в поэзии. В данной

статье мы хотим рассмотреть, как в русской поэзии проявились первые четыре десятилетия XX века, его значительные события, нравы, культура.

Переломной болевой точкой для нескольких поколений русских людей, «словом» их судеб стала революция 1917 года. Вот как писал об этом в 1918 году Илья Эренбург в книге с характерным названием «Молитва о России»:

*Детям скажете: «мы жили до и после,
Её на месте лобном
Ещё живой мы видали».
Скажете: «осенью
Тысяча девятьсот семнадцатого года
Мы её распяли».*

Трагическая глубина данных строк создаётся за счёт олицетворения Родины, создания образа несчастной, замученной палачами женщины на лобном месте.

Почти аналогичное видение и понимание происходящего в 1917 – 1918 годах находим у М. Волошина:

*С Россией кончено... На последях
Её мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволоч на гнощце, как падаль... («Мир»).*

Жёсткая оценка и самооценка происходящего создаётся за счёт собственно лексического ряда, намеренного употребления сниженной лексики: *прогалдели, проболтали, пролузгали, пропили, проплевали, замызгали* и т. д. Глубина краха страны усиливается употреблением именно подобной лексики: не сознательно предали, не сознательно разрушали и, наконец, разрушили, а *пролузгали, пропили, проплевали* свою Родину. Поэт не отделяет себя от других, не снимает и с себя ответственности, используя местоимение *мы*. Эту же тему «поддерживает» имплицитная ирония по отношению к многочисленным лозунгам, звучавшие на митингах и площадях в 1917 году: *не надо ль / Кому земли, республик да свобод, / Гражданских прав?*

Как пишет Виктория Швейцер, Максимилиан Волошин «пророчил» всю русскую революцию на пять лет вперёд; Марина Цветаева записала его пророчества в тетрадку: «террор, гражданская война, расстрелы, заставы, Вандея, озверение, потеря лица, раскрепощённые духи стихий, кровь, кровь, кровь...» [7, 192].

С течением времени незаконное насилие в Советском Союзе, особенно в тридцатые годы, не исчезло, оно только несколько изменило свой «окрас»: стало не столь явным (чёрные воронки ночью, десять лет без права переписки), но страдания и пролитая кровь отнюдь не меняют в этот период свою горькую сущность. В то время в стране, в которой *самая в мире лучшая проволока колючая*, «докорчёвывались последние люди, прикасавшиеся к «серебряному веку». Это их загоняли в камеры струями из брандспойтов, их избивали, доводили до умопомешательства и петли, кидали в телячьи вагоны и везли в Магадан, Караганду, в город Свободный...» [4, 7].

Но была и другая несвобода, менее кровавая, но не менее тяжёлая – несвобода творчества, самовыражения, постоянное противостояние, чаще завуалированное, интеллигенции и власти. «В традиционном, долгие годы насаждавшемся как единственно верное искусствознании считалось, что существует монополия на истину... и эта монополия принадлежит государственному идеологическому аппарату. Знаменитая триада «православие, самодержавие, народность» заменялась гораздо более незыблемой триа-

дой... – «партийность, классовость, народность» [4]. «Железные тиски» советской идеологии в разной степени и по-разному «задушили» многих: Николая Гумилев, Михаила Булгакова, Николая Бердяева, Владимира Маяковского, Анны Ахматовой, Исаака Бабеля, Евгения Замятина и других.

*Есть в мире такой городок – Чусовой,
где рядом все чудится мне часовой
на лагерной вышке, пустующей там,
где, может, в бессмертие вмёрз Мандельштам*

(Е. Евтушенко, «Такой городок»)

В одном из своих редких интервью Марина Цветаева говорила: «Единственное оружие воздействия писателя – слово. Всякое иное вмешательство будет уже подвигом гражданским (Гумилев). Так, если в – писателе сильнее муж, – в России дело есть. И героическое. Если же в нём одолевает художник, то в Россию он поедет молчать, в лучшем случае – умалчивать, в (морально) наилучшем – говорить в стенах «Чека».

– Но пишут же в России!

Да, с урезами цензуры, под угрозой литературного доноса, и приходится только дивится героической жизнеспособности, так называемых, советских писателей, пишущих, как трава растёт из-под тюремных плит, невзирая и вопреки» [6, 207].

Настоящий поэт как *сгущённый в гения народ* (Е. Евтушенко) отражает и выражает мировоззрение, историю, культуру своего народа. В художественном дискурсе речь идёт «не просто о носителе языка, а – прежде всего и важнее всего – носителе определённой концептуальной системы, на основе которой он понимает язык, познаёт мир и осуществляет коммуникацию с другими носителями языка» [3, 259 – 260]. Как писал К. Юнг, «...творец в высочайшей степени объективен, существенен, сверхличен, пожалуй, даже бесчеловечен или сверхчеловечен, ибо в своём качестве художника он есть свой труд, а не человек... В качестве индивида он может иметь прихоти, желания, личные цели, но в качестве художника он есть в высшем смысле этого слова “Человек”, коллективный человек, носитель и ваятель бессознательно действующей души человечества» [8, 116 – 117].

Таким образом, связь языка, культуры и человека ярко и определённо проявляется именно в поэзии, которая способна впитать и проявить **всё**: разные временные эпохи, особые пласты жизни, историю отдельного человека и судьбы народов, национальные традиции и бытовые нюансы, низкие истины и высоты духа человека.

Литература

1. Гумбольдт, В. фон О двойственном числе / В. фон Гумбольдт // Язык и философия культуры. – М. : Прогресс, 1985. – 450 с.
2. Маслова, В. А. Концептуальные основы современной лингвистики / В. А. Маслова – М. : Наука, «Флинта», 2018. – 216 с.
3. Серебряный век. Мемуары (Сборник) / Составитель Т. Дубинская-Джалилова. – М. : Известия, 1990. – 672 с.
4. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
5. Павилёнис, Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павиленис. – М. : Мысль, 1983. – 286 с.
6. Цветаева, М. И. Собрание сочинений : в 7 т. – Т. 4/2. – М. : Эллис Лак, 1994 – 1995. – 693 с.
7. Швейцер, В. Быт и бытие Марины Цветаевой / В. Швейцер. – М. : СП ИНТЕРПРИНТ, 1992. – 538 с.
8. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – М. : Ренессанс, 1991. – 297 с.

E. Yu. Muratova
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: mouratova@tut.by

Lingoculturological Composer of Poetic Text

Key words: anthropocentric paradigm, lingvoculturony, poetic text, Russia, revolution.

The article explores the linguistic and cultural component of the poetic text. The poems devoted to the tragedy of the Russian people in 1917, to Russia, to unlawful violence in the Soviet Union in the thirties are analyzed.

УДК 821.161.3-31

Н. Н. Налётова
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: nalyotova.nathalie@mail.ru

Художественная интерпретация деятельности и личности белорусского первопечатника в романе «Георгий Скарина» М. Садковича и Е. Львова

Ключевые слова: белорусская литература, исторический роман, художественная интерпретация, деятель культуры, книгопечатание.

В статье анализируются образ и деятельность первого белорусского и восточнославянского книгопечатника, выдающегося просветителя, философа-гуманиста, писателя, переводчика, художника, ученого конца XV – первой половины XVI в. в русскоязычном историческом романе «Георгий Скарина» М. Садковича и Е. Львова. Нами также выявлены содержательно-концептуальные и собственно-эстетические параметры художественной репрезентации личности этого деятеля культуры.

Изображение исторических событий и деятельности известных личностей (публицистов, просветителей, мыслителей и т. д.), тесно связанных с белорусской культурой и ставших символами нашей нации, как известно, началось в конце XIX – начале XX века. Оно во многом было обусловлено объективными общественно-политическими причинами. В настоящее время эти деятели культуры продолжают привлекать внимание отечественных историков, философов, лингвистов, литературоведов, композиторов, сценаристов, писателей, драматургов и поэтов.

Одной из таких знаковых фигур, несомненно, является философ-гуманист, просветитель, переводчик, писатель, художник, первый белорусский и восточнославянский книгопечатник, ученый, доктор медицинских наук Ф. Скорина, о чем свидетельствует огромное количество научных трудов, художественных произведений, освещающих те или иные аспекты его разносторонней деятельности.

Как справедливо отметил белорусский историк, философ и литературовед В. М. Конон, художественное изображение деятельности восточнославянского первопечатника и его эпохи началось в период ускоренного развития белорусской литературы, роста национального самосознания и прогрессивной общественно-политической мысли, т. е. в конце XIX – начале XX века. На наследие Ф. Скорины ссылались, к примеру, К. Калиновский и Ф. Богушевич, обосновывая историческое право белорусов на свой родной язык и национальное самоопределение [1, 291 – 292]. Жизненный путь и творчество этой исторической личности отражены в рассказе «Фантазия» (1921) М. Горецкого, повести «Францішак Скарына» (1926) С. Хурсика, драматической поэме-